

Это было было достаточно давно. У нас еще не было интернета, сотовых телефонов и даже персональные компьютеры уже ожидалось, но застряли где-то у финской границы.

Много чего не было, но Советский Союз еще был. Я назывался, принятым тогда словосочетанием, «молодой специалист», то есть был действительно очень молод и считал себя специалистом.

Наверное, чтобы добавить мне больше оснований считать себя таковым, моя богатая нефтяная фирма отправила меня из Сибири в Киев на Курсы Повышения Квалификации. Время было выбрано фантастическое: май-июнь.

Как раз зазеленели Днепровские склоны. Расцвели каштаны на бульварах. Мои коллеги по учебе, все больше из оборонки:

Ленинградские верфи, Ижевск и какие-то города, которых нет на карте, с номерами почтовых ящиков вместо имен и названий. Ребята совершенно обалдели и рвались фотографировать каждый цветок. Я, выросший в Харькове, все это видел с детства и так не впечатлился. Но когда девочки из Киева, тоже соученицы, отвезли нас в Ботанический сад, где одновременно зацвели все двадцать, имеющихся у них сортов сирени, от красок и запахов обалдел и я.

Киевская родня теперь – все, кто жив, обитает в Балтиморе, но тогда они привычно пилили скрипки в симфонических оркестрах Киева, приняли и поселили меня роскошно. На лето их взрослые дети и внуки перебрались в квартиру старшего поколения в самом центре, а кооперативная квартира в зеленом районе Дарница сдавалась жильцам.

Кооператив принадлежал Киностудии Довженко, ее оркестру, театрам и другим из мира искусства и культуры. Рядом со мной владела квартирой хореограф и постановщиц танцев – колоритная цыганка. В лифте ездили девушки модельной внешности с ногами от ушей. Вверх и вниз ездили струнные и духовые, деревянные и медные. Где-то рядом может быть разбирали партитуры или писали новые мелодии, готовились к концертам. Я залетел туда из совсем другого мира, не знал ноты и всегда поражался чьему-то умению извлекать гармонические звуки из этих странных предметов, но было очень интересно.

Меня пустили в пустующую гостиную одной из квартир. В спальне жил молодой, высокий, красивый контрабасист оркестра киностудии

Довженко. Звали его Валера. Он отслужил в каких-то очень специальных войсках. Для поддержания формы каждый день бегал кросс за две станции метро на открытую спортплощадку, качался. Жил бедно. Питался, в основном, овсянкой «Геркулес». Я подкармливал его вареной колбасой из ближнего гастронома.

Он играл в симфоническом оркестре, но бредил джазом. Готовился к очередному джаз-фестивалю. К нему приходил уже немолодой, усталый саксофонист Володя. И я слышал, как из спальни басовито рокотал контрабас: в чем-то убеждал, уламывал, убалтывал. А саксофон был девкой. Она то капризно картавила, то пискляво капризничала, потом закатывала истерику, но, наконец, сдавалась рокочущему контрабасу. Они слитно пели долгое соитие и вместе взмывали в крещендо оргазма.

В свободное от джаза время, Валера был мил, красив и очень популярен среди девушек. Иногда вечерами телефон накалялся от звонков поклонниц его музыкальных и иных талантов.

Но в этот вечер телефон молчал. Мы мирно ужинали уже традиционными чаем с колбасой, и Валера рассказывал, как он устал сегодня.

– Представляешь? Две репетиции и запись, а мне там солировать пять раз, а потом еще зуб заболел.

И вдруг добавил:

– Подруга в гости звала на всю ночь. У нее родители как раз на дачу уехали, но я не пойду, сил нет.

Он поплелся в прихожую к телефону и совсем другим, не прежним голосом замурлыкал в трубку:

– Наташенька, солнышко, я не приду. Нет, ну очень люблю. Нет, ты у меня единственная. Что ты? Нет, очень люблю, но такой день. Зачем я тебе такой дохлый?

И опять что-то про репетиции, запись, соло и зуб. И про любовь: сильную, верную и неугасимую. Он вернулся в кухню. Мы допили чай и разошлись по комнатам.

Засыпал я волшебным. Кто-то этажом выше профессионально – такой был дом – подбирал на пианино “Let it be”. Было слышно, как правая рука с третьей попытки нашла лейтмотив. Тут же включилась левая с аккомпанементом. И гениальная мелодия Леннона, тихо плывущая из окна высотки к Днепру, стала моей колыбельной.

А пробуждение было мерзким, как панк-рок и heavy metal вместе взятые. За окном – темень, а в нашу входную дверь кто-то звонит и

одновременно лупит всеми свободными конечностями. Подлый Валера не подает признаков жизни, наверное видел сон, где ни репетиций, ни записей, ни студии Довженко, а только джаз, джаз и джаз кругом. А я чувствовал ответственность за целостность двери не чужих мне людей. Поэтому, путаясь в трусах, пошел разбираться, кому мы понадобились, и почему уже не «тиха украинская ночь».

– Кто там?

Голос тембра драматического сопрано сообщил:

– Это Наташа. Где Валера?

– Он спит.

– Разбудите его.

– Не, ну это, девушка, вы сами.

Я открыл дверь.

Что-то, стуча каблуками, пронеслось мимо меня в комнату Валеры, но я успел это рассмотреть. Повторяю, я вырос на Украине, но таких чистых украинских кровей видел не много. В России таких просто не бывает, там таких не делают. Она была черноволоса, черноброва и черноока. Все это выгодно оттеняло белизну лица, шеи и чего-то еще, видного из смелого декольте. Еще имелась, бурно дышащая, грудь не малого размера, волнующие бедра и всесокрушающий темперамент.

Из спальни раздался жалобный стон Валеры. Я заподозрил убийство, но он был жив и, тоже неглиже, примчался ко мне извиняться за буйное поведение его гостыи.

Я лег досыпать, тихо радуясь, что моя кровать не у общей стенки. Еще обрушат, эта может, – думал я.

Утром следующего дня я нашел Валеру на кухне. Он никуда не бегал этим утром, грустно варил свой «Геркулес» и гордо отказался от предложенной мной яичницы. Ему было дико неудобно, он опять и опять извинялся.

– Но знаешь, – сообщил он, – я вчера повернулся к стенке и так до утра, пока не ушла.

– Не верю, – сказал я, – я ж ее видел, – ты б живым не вышел.

– Не вышел, – грустно согласился он. – А как ты думаешь? Чего она вообще приперлась?

– Элементарно, Ватсон, – я посмотрел с высоты своих аж двадцати шести на его всего двадцать два:

– Ты ей позвонил, она решила, что ты с другой и хотела поймать тебя на месте преступления. Или, все равно трахнуть, пусть не у себя дома.

Он обалдело захлопал пушистыми ресницами и сообщил:

– Так я ж не ей вчера звонил, это другая Наташа. Правда, с этой тоже когда-то что-то было, но месяц назад. Я думал, что у нас уже все.

– Может и мне перейти на «Геркулес»? – завистливо подумал я, – но где его взять у нас в Сибири? Колбаса, правда, там тоже только по праздникам, и я так не люблю овсянку.